

УДК 81-139

Шевченко И.А.

Московский государственный областной университет

**ЭМПИРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЁТ И НАБЛЮДЕНИЕ ПОВЕДЕНИЯ)**

I. Shevchenko

Moscow State Regional University

**EMPIRICAL METHODS OF STUDYING
A LINGUISTIC PHENOMENON OF INTERSUBJECTIVITY
(COMPARATIVE REPORT AND OBSERVATION OF BEHAVIOUR)**

Аннотация. Данной статье предназначается отразить многовариантность значений концепта «интерсубъективность», способствовать эмпирическому изучению данного феномена средствами анализа действенных методологий и современных направлений исследования и предвосхитить потенциальные возможности для исследований в данной области. В работе рассматриваются различные эмпирические направления в изучении феноменов интерсубъективности и межсубъектных отношений между людьми или их точками зрения. Раскрывается суть исследуемых понятий, их возможная польза в применении и связь с современными науками. Материалы могут быть полезны исследователю в применении эксперимента с целью получить представление о процессах интерсубъективного взаимодействия, возникающего как между точками зрения отдельного индивидуума, так и между разными людьми или между группами.

Ключевые слова: интерсубъективность, сравнительный отчёт, наблюдение поведения, методология, интерпретация.

Abstract. This article is intended to reflect the multiplicity of meanings concerning the phenomenon of intersubjectivity; to facilitate empirical research on intersubjectivity by means of analysis of efficient methodologies and research branches; and to anticipate potential opportunities for research in this field. In this article various empirical attempts of studying intersubjectivity and intersubjective relations between either people or human perspectives are described in a way, fully portraying the very essence of these concepts, their possible use and connection with modern sciences, providing a model for a modern scientist to follow in order to enlarge his research with an experiment leading to a deeper realization of intersubjective interaction processes both between point of view of one concrete individual, different people or groups of people.

Key words: intersubjectivity, comparative report, observing of behavior, methodology, interpretation.

Концепт *интерсубъективность* широко используется в современной антропоцентрической лингвистике. Однако значения, вкладываемые в это понятие, часто различаются. В наиболее широком смысле мы используем термин *интерсубъективность*, ссылаясь на разнообразие возможных отношений между точками зрения [4]. Если социальная жизнь основывается на взаимодействиях между людьми, тогда интерсубъективность является основным концептом общественных наук в целом, а в частности – основным инструментом понимания человеческого поведения и его интерпретации [6].

Пожалуй, именно из-за широкого спектра применения этого понятия исследование было разбито на фрагменты, и мы полагаем рассмотреть по крайней мере шесть определений этого понятия в данной статье. С одной стороны, интерсубъективность может быть определена как согласие в ощущении разделённой (сходной) интерпретации объекта между людьми [23]. С

другой, интерсубъективность можно определить как обоюдную осведомлённость о согласии или разногласии или даже как осознание понимания или непонимания [21]. Когнитивный же подход использует этот термин, чтобы обозначить функцию интенциональности чувств и убеждений относительно других [13]. В то же время бихевиоральный подход выделяет особо внутреннюю природу интерсубъективности, концептуализируя её как имплицитные и зачастую бессознательные или автоматические поведенческие установки относительно других [21; 11]. Кроме того, были выделены ситуативная и перформативная формы [17; 14; 26]. Наконец, культурологическая и диалогическая точки зрения используют этот термин для изучения частично разделяемых, в основном взятых за данность установок, которые предполагают собеседники, и по отношению к которым можно совершать действия и говорить [20; 25; 27].

В то время как некоторые определения могут не полностью охватывать сферу значения понятия *интерсубъективности*, в силу того, что они не взаимоисключающие, каждое из определений отражает отличительный и значимый аспект феномена. Соответственно, в нашей статье мы вводим рабочее определение, которым концептуализируем *интерсубъективность* как разнообразие отношений между точками зрения, принадлежащих индивидуумам, группам, традициям или курсам и воплощаемых имплицитно (принимаемых как должное) или эксплицитно (отражающих реальность).

Отсутствие основательного междисциплинарного обсуждения касательно адекватных методов изучения интерсубъективности является, предположительно, следствием индивидуалистического уклона современной методологии науки. Действительно, даже в исследовании интерсубъективности чаще всего единицей анализа становится индивид, в том числе и как языковая личность [3; 24]. Языковая личность изучается методами наблюдения, интервью, анкетирования, сканирования и тестов. Бихевиоральные отклики (реакции), отношения (позиции),

личностные свойства, когнитивные показатели, обстоятельства, мнения, привычки, принадлежность к группам и предпочтения – все эти качества, приписываемые индивидуумам, – явления, доступные визуальному (наглядному) наблюдению [2; 5]. Однако, когда принимаются индивидуалистические допущения, взаимодействия между людьми или группами людей зачастую становятся неясными, так как основываются главным образом на автоматических, или бессознательных, установках.

В данной работе будут рассмотрены два основных методологических подхода к исследованию интерсубъективности: сравнительный отчёт методом опросника [21] и наблюдение поведения [24], каждый из которых делает видимым тот или иной специфический аспект интерсубъективности. Теперь рассмотрим каждый подход более подробно.

Так, самую общую методологию изучения интерсубъективности представляют **сравнительные отчёты** в виде опросников, или анкет. Данный подход был разработан для проверки предельных значений, в рамках которых люди могут достоверно понимать чужие точки зрения. Ранний вариант этого подхода принадлежит С. Страйкеру [30] и позволяет сравнить действительное отношение с отношением приписываемым, на примере взаимопонимания в семье. Со временем данная методология была адаптирована и переработана для решения проблемы представления о «Я» и его корреляции с видением этого «Я» *Другим* [8, с. 28]. Основным принципом такого подхода является сравнение позиции *человека А* (отражённой в опроснике) с предполагающим мнением *человека Б* о позиции *человека А*. Такое сравнение даёт возможность измерять сходства и отклонения позиций восприятия людей А и Б касательно заданной темы.

Пожалуй, наиболее утончённый метод в рамках сравнительных отчётов был разработан Р. Лэйнгом, Х. Филлипсоном и А. Ли [21], предложившими трёхуровневую модель интерсубъективности (табл. 1).

Таблица 1

Трёхуровневая модель интерсубъективности

Уровень	Я (личность или группа)	Другой (личность или группа)
Прямая перспектива	Точка зрения Я на феномен X (Я → X)	Точка зрения Другого на феномен X (Д → X)
Метаперспектива	Видение Я точки зрения Другого на феномен X (Я → Д → X)	Видение Другого точки зрения Я на феномен X (Д → Я → X)
Мета-метаперспектива	Представление Я о том, как Другой видит представление Я о феномене X (Я → Д → Я → X)	Представление другого о том, как Я видит представление Другого о феномене X (Д → Я → Д → X)

Таблица 2

Сравнительно-сопоставительная модель интерсубъективных отношений между людьми и группами

Сравнение/сопоставление	Интерсубъективное отношение
Прямая перспектива и Прямая перспектива (Я → X и Д → X)	Согласие / несогласие
Прямая перспектива и Метаперспектива (Я → X и Д → Я → X)	Понимание / непонимание
Мета-метаперспектива и Метаперспектива (Я → Д → Я → X и Д → Я → X)	Осознание понимания / непонимания

Первый уровень называется «прямая перспектива» и отражает как точку зрения «Я», так и «Другого» (Д) на заданный феномен (X). Это уровень непосредственной репрезентации, отношения и мнения. Второй уровень называется «метаперспектива», так как отражает идеи Я и Другого относительно точек зрения друг друга касательно заданного феномена. Третий уровень, названный «мета-метаперспектива», касается представления «Я» о точке зрения «Другого» относительно представления «Я».

Ценность этой модели (табл. 2) заключается в том, что она предоставляет исследователю ясный инструмент для разбора различных интерсубъективных отношений между людьми и группами. Считаем, что ценного результата можно добиться, сопоставляя исходные категории трёхуровневой модели. Данные отношения прослеживаются на материале художественной литературы, так как худо-

жественная литература зачастую предлагает описание взаимоотношений между героями и их предположения относительно друг друга: *«I wanted to buy an Indian some beer in a restaurant. He said that he never drank, not even beer. I laught to myself. I didn't believe him; the friend who had put us in contact had told me that «the old man was plastered out of his mind most of the time...» [9, p. 24].*

Рассматриваемое предположение об исследуемом отношении (О) индейца (X), построенное на допущении связи неадекватности поведения с употреблением алкогольных напитков, внушённое другом (Др) рассказчику (Я), и демонстрирует явное противоречие, подтверждаемое сторонней позицией (Я → (Др → Я) → X). Соглашаясь со стереотипом друга, рассказчик ставит между своим непосредственным восприятием индейца мнение своего друга, подобно линзе, будто бы оправданно преграждающей пути прояснения

реально существующих явлений. Также изоморфность очевидна при сравнении прямых перспектив рассказчика и его друга ($Др \rightarrow X = Я \rightarrow X$) в меру доверия Я авторитетному источнику; в то же время индеец не осведомлён о представлении рассказчика ($X \rightarrow O \neq Др \rightarrow Я \rightarrow (X \rightarrow O)$).

Таким образом, использование сравнительных опросников даёт большие результаты в изучении intersубъективных отношений между группами и индивидами, и, действуя способом сопоставления перспектив, мы легко выявляем такие отношения, как согласие и несогласие, понимание и непонимание, осознание имеющегося понимания или непонимания. Интерпретационная лингвистика исходит из представлений о том, что «в основе владения языком и его использования лежит один и тот же интерпретационный механизм, обслуживающий разные виды языковой деятельности» [1]. Вместе с тем не стоит упускать изменчивость состояний сознания, обуславливающую неоднородность аппарата интерпретации даже в пределах одной языковой личности. С помощью сопоставления компонентов модели могут быть изучены не только взаимоотношения между интерпретируемыми объектами, но и отношения между перспективами субъекта в сравнении с позицией автора интерпретируемого текста, а также связи между собственными уровнями мышления. Дополнительный исследовательский инструмент предложен этой схемой при интра- и intersубъективной интерпретации текста, когда, например, необходимо выявить расхождение в точках зрения интерпретаторов; интерпретацию, базирующуюся на чужой точке зрения; уровень абстрагирования интерпретатора от текста.

Данная модель успешно применяется для оценок отношений между позициями восприятия «Я», «Другой» как объектов и как субъектов, в частности – по отношению к тексту в лингвистике для составления интерпретаций intersубъективных взаимоотношений.

В качестве контраста к лингвокогнитивному подходу в изучении проявлений intersубъективности, использующего сравнитель-

ные отчёты, другие исследователи облекли intersубъективность в материальную форму и допустили, что она имеет более поведенческий характер, нежели умозрительный [12]. “Воплощённая” intersубъективность вылилась в совершенно иной методологический подход к тому же вопросу отношений между перспективами индивидов, названный **наблюдением за поведением**. Пока в нашей статье речь шла о наблюдении за языковым (речевым, коммуникативным поведением). Стоит отметить, что метод сравнительного опросника упускает такие метакоммуникативные (неязыковые, другими словами, невербальные) реакции субъектов и их возможные значения, как мимику, выражающую неуверенность; смятение, озадаченность – эмоции, отражающие неопределённость субъекта, следовательно, туманящие результаты сравнения позиций восприятия; жестикацию, телесную позу, в которых может выражаться закрытость/открытость позиции субъектов взаимодействия (“замки” скрещённых коленей, рук, сплетённых пальцев), также влияющие на чистоту результатов исследования intersубъективных отношений. Как правило, невербальные компоненты в тексте (в том числе художественной литературы) представлены описательным методом и имеют величайшую важность для создания контекста речевого акта и интерпретации отношений между героями:

«I told an Indian I was interested in collecting and studying medicinal plants. I was contained and sounded perfectly credible to myself.

The old man shook his head slowly, and I, encouraged by his silence, added that it would no doubt be profitable for us to get together.

It was at that moment that he lifted his head and looked me squarely in the eyes. It was a formidable look. Yet it was not menacing or awesome in any way. It was a look that went through me. I became tongue-tied at once and could not continue with the harangues about myself. That was the end of our meeting» [9, p. 17-18].

В данном отрывке мы видим, что рассказчик, будучи уверенным в убедительности своей речи, не придаёт значения невербальному

знаку «покачивания головы» собеседника, а принимает распространённое допущение о взаимосвязи между молчанием (звуковым показателем) и согласием собеседника. Следствием недостаточного внимания и упущения невербальных знаков (метакоммуникативной информации) является устрашающий взгляд и разрыв контакта с собеседником.

Таким образом, метод наблюдения за поведением включает в себя важную сферу качеств интересубъективности, применимую как в понимании взаимоотношения между субъектами, так и в случае определения отношения субъектов к объекту (например, в интерпретации). Если в методе отчёта мы исследовали такие функции человеческого сознания, как понимание и согласие, то методология наблюдения, включающая в материал исследования невербальные компоненты взаимодействия, значительно расширяет интерпретативные возможности.

Стоит отметить, что в личном аппарате восприятия наблюдателя не заложено механизмов абсолютно точной регистрации изменений внешнего мира, особенно когда речь идёт о восприятии двух или более явлений или индивидов одновременно. Сравнение наблюдаемых показателей опирается на шаткий материал памяти, а последняя имеет схожие параметры с «воображаемым» (вспоминаемая, человек представляет), то есть для способа восприятия не имеет значения, было ли вспоминаемое на самом деле, или оно вымышлено. На практике реально существующий момент настоящего заменяется новым моментом настоящего, не включающим характеристики и качества первого момента; чтобы воспринять первый момент, нужно заместить реальный опыт воспоминанием или представлением или воссоздать идентичные условия для схожего восприятия. В случае интерпретации отношений перед наблюдателем взаимодействия, помимо одновременных задач фиксировать, сопоставлять и толковать проявления множественных объектов, его личное восприятие находится в зависимости от собственных фильтров, таких, как установки и шаблоны внимания, то есть его лич-

ного способа выделять вниманием элементы объектов. Наблюдатель каждый раз видит новые совокупности аспектов, сохраняются лишь общие моменты: «*After a great effort, I indeed found hands in my dreams but they never were mine. They were hands that only seemed to belong to me, hands that changed shape, becoming nightmarish at times*» [10, p. 27].

Своевременную помощь методу наблюдения поведения обеспечивают современные компьютерные технологии, выводящие возможности исследования, например, в сфере имитации и копирования человеческих проявлений, на принципиально новый уровень. Запись видео с высочайшим разрешением, возможность замедлять записи, разделение экранов позволяют одновременное наблюдение субъекта и объекта с применением компьютерного сканирования микродвижений и микромимики [18].

Наконец, сравнительно молодой интерес к исследованию зеркальных нейронов вносит новые аспекты в метод наблюдения поведения. Среди исследований, использующих метод наблюдения, в том числе и наблюдения за поведением нейронов, основной интерес приходится на демонстрацию пределов и границ, в которых наблюдающий симпатически, часто несознательно, имитирует, или неврологически «резонирует» с воспринимаемыми явлениями (действиями) [18].

Перспективным в этой области является направление, исследующее «отзеркаливание» когнитивных составляющих восприятия – репрезентаций, выражаемых языком. В области лингвистики, в частности германистики и семиотики, актуален следующий вопрос: можно ли утверждать, что читатель, «сонастроившись» с автором текста на единую частоту, может воспринять идентичное переживание? Безусловно, существует разница между имитацией мышечных движений (непосредственно наблюдаемая реальность) и отражением смыслов, заложенных в словах (которые не имеют такой «плотной» формы, как физические проявления, а являются символами значений). Однако если взять в пример художественную литературу, мы, читая

произведение, создаём новый мир, полагаясь на слова автора, творим некую сферу образов, их значений и смыслов. Вариативность интерпретаций этого пространства обуславливается различием в направлении взглядов читателей – мы путешествуем вместе с автором, но каждый смотрит на то, что ему приглянулось – в соответствии со своей картиной мира – и делает собственные выводы, исходя из личного опыта. Но значит ли это, что миры произведения разные, и, таким образом, семантическое пространство произведения будет развиваться и изменяться вместе с читателем? Или пространство смыслов существующего текста ограничено, но, например, в силу работы фильтров восприятия, налагающих ограничение на объём воспринимаемой информации или общепризнанного способа чтения и письма, человек не способен воспринять текст целостно, отчего вынужден разбивать его на последовательности и взаимосвязи составляющих? Эти живые вопросы ещё предстоит прояснить совместными силами когнитивной лингвистики, философии, психологии и ряда смежных наук.

Современное общество характеризуется широким разнообразием точек зрения, находящихся в разноплановом взаимодействии. Структурная дифференцированность общества подкрепляет многообразие социальных позиций внутри общества, каждая из которых представляет некую отличительную черту. Глобализация побуждает людей из разных диапазонов культурных, религиозных, географических контекстов к теснейшему сотрудничеству. Так, необходимость строить множественные взаимоотношения обуславливает интерес к феномену интерсубъективности во многих сферах современной науки, как в лингвистике, так и в культурологии, социологии, психологии и философии.

Таким образом, в рамках данной статьи мы попытались раскрыть две эмпирических методологии изучения феномена интерсубъективности, обозначить возможности их применения и развития. Каждая из проанализированных методологий полезна для решения разного вида вопросов и представляет ис-

следователям новые перспективы в научной работе. Методология сравнительного отчёта применима для быстрого установления степени и пределов соответствия и расхождения точек зрения. Однако она опирается лишь на осознаваемые вербальные данные, упуская возможность нахождения материала субъекта вне его сознательного пространства и вербального выражения. Наблюдение поведения дополняет исследование обозримым материалом и даёт доступ к некоторым невыразимым словами формам интерсубъективности, в особенности базальным формам, таким, как мускульная и нейронная имитация. В совокупности эти методы представляют собой мощный инструмент исследования аспектов феномена интерсубъективности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жирова И.Г. Лингвистическая категория эмпатичность в антропоцентрическом аспекте: монография. – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – 246 с.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 315 с.
6. Славская А.Н. Личность как субъект интерпретации. – Дубна: Феникс+, 2011. – 240 с.
7. Филипсон М. Феноменологическая философия и социология // Новые направления в социологической теории. – М., 1978. – С. 204–271.
8. Cast A.D., Stets J.E. & Burke P.J. Does the Self Conform to the Views of Others? // *Social Psychology Quarterly*, № 62 (1), 1999. – P. 68–82.
9. Castaneda C. *The Journey to Ixtlan*. – NY: Simon and Schuster, 1971. – 268 p.
10. Castaneda C. *The Art of Dreaming*. – USA: Harper Collins Publishers Inc., 2004. – 260 p.
11. Coelho N.E. & Figueiredo L.C. Patterns of Intersubjectivity in the Constitution of Subjectivity: Dimensions of Otherness // *Culture & Psychology*, № 62 (1), 2003. – P. 193–208.
12. Crossley N. *Intersubjectivity: The Fabric of Social Becoming*. – London: Sage Publications Ltd, 1996. – 188 p.
13. Gardenfors P. The Role of Intersubjectivity in Animal and Human Cooperation // *Biological Theory*, № 3 (1), 2008. – P. 51–62.

14. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. – UK: Polity Press Cambridge, 1984. – 288 p.
15. Gilbert S., Laingian A. View of the “Advantage” of Advertisers Over Consumers // *Psychology & Marketing*, 1986. – P. 61–65.
16. Gillespie A. The Intersubjective Dynamics of Trust, Distrust and Manipulation // In I. Markova & A. Gillespie (Eds.), *Trust and Distrust: Sociocultural Perspectives*. – Greenwich, CT: Information Age Publishing, 2007. – P. 131–152.
17. Goffman E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. – London: Penguin, 1959. – 251 p.
18. Hatfield E., Cacioppo J. & Rapson R. *Emotional Contagion*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 96–99.
19. Hurley S.L. & Chater N. *Perspectives on Imitation: From Neuroscience to Social Science*. – Cambridge, MA: MIT Press, 2005. – 1024 p.
20. Jovchelovitch S. *Knowledge in Context: Representations, Community, and Culture*. – London: Routledge, 2007. – 288 p.
21. Laing R.D., Phillipson H. & Lee A.R. *Interpersonal Perception: A Theory and Method of Research*. – London: Tavistock Publications, 1966. – 230 p.
22. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. – London: Routledge, 1945. – 544 p.
23. Mori J., Hayashi M. The Achievement of Intersubjectivity through Embodied Completions: A Study of Interactions between First and Second Language Speakers. *Applied Linguistics*, № 27 (2), 2006. – P. 195–219.
24. O’Donnell C.R., Tharp R.G. & Wilson K. Activity Settings as the Unit of Analysis: A Theoretical Basis for Community Intervention and Development. *American Journal of Community Psychology*, № 21 (4), 1993. – P. 501–520.
25. Rommetveit R. On the Architecture of Intersubjectivity // In R. Rommetveit & R. Blakar (Eds.), *Studies of Language, thought and Verbal Communication*. – London: Academic Press, 1979. – P. 93–107.
26. Schegloff E.A. Discourse as an Interactional Achievement: Some Uses of Uh-Huh and Other Things that Come between Sentences // In D. Tannen (Ed.), *Analysing Discourse: Text and Talk*. – Washington, D.C.: Georgetown University Press, 1982. – P. 71–93.
27. Schutz A. *Collected Papers I: The Problem of Social Reality*. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1973. – 361 p.
28. Shrauger J.S. & Schoeneman T.J. Symbolic Interactionist View of Self-Concept: Through the Looking Glass Darkly. *Psychological Bulletin*, № 86, 1979. – P. 549–573.
29. Sillars A., Koerner A. & Fitzpatrick M. Communication and Understanding in Parent-Adolescent Relationships // *Human Communication*, № 21 (1), 2005. – P. 102–128.
30. Stryker S. Relationships of Married Offspring and Parent: A Test of Mead’s Theory. *The American Journal of Sociology*, № 62 (3), 1956. – P. 308–319.